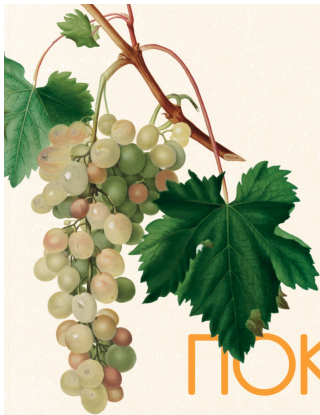

Фульвио Эрвас

ПОКА ЕСТЬ ПРОСЕККО, ЕСТЬ НАДЕЖДА

Итальянский детектив

По роману снят фильм
«Венецианский детектив»
(2017)

Фульвио Эрвас

Пока есть просекко, есть надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70109884

*Пока есть просекко, есть надежда: Лайвбук; Москва; 2024
ISBN 978-5-907784-00-0*

Аннотация

В залитом солнцем итальянском городке, на родине просекко, все встревожены: покончил с собой блистательный граф-винодел, директора цементного завода застрелили, а молодая наследница легендарных виноградников грозит их вырубить, чтобы посадить бананы. Инспектор Стуки, хоть и не выпускает из рук бокала, решительно настроен поймать преступников и вернуть спокойствие горожанам, чтобы все, как и раньше, могли наслаждаться каждым днем и каждым пузырьком игристого.

Атмосферный детектив популярного итальянского писателя Фульвио Эрваса очаровывает волшебством уникального региона Италии Венето, напоминает о красоте и ценности каждого уголка земли, наводит на мысли о вечном конфликте между жадностью и уважением к земле, прогрессом и традициями.

Содержание

13 августа. Четверг	8
14 августа. Пятница	12
15 августа. Суббота	21
16 августа. Воскресенье	27
17 августа. Понедельник	30
18 августа. Вторник	39
19 августа. Среда	53
20 августа. Четверг	66
21 пятница. Пятница	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Фульвио Эрвас

Пока есть просекко, есть надежда

Один бокал – хорошо.

Два бокала – будь начеку.

Три бокала – ты попался!

Надпись в витрине одного из баров в Тревизо

Fulvio Ervas

Finché c'è prosecco c'è speranza

*This edition is published by arrangement with Marcos y Marcos
s.a.s, Milano*

Questo libro è stato tradotto grazie a un contributo per la traduzione assegnato dal Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale italiano.

Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке, предоставленной Министерством иностранных дел и международного сотрудничества Италии.

© Marcos y Marcos 2010, 2022

© Оксана Рогоза, перевод на русский язык, 2023

13 августа. Четверг

Бар Секондо в центре Тревизо – славное местечко: удобные плетеные стулья, мраморная барная стойка и по-семейному уютная атмосфера. На стенах, черным по белому, – изображения виноградных лоз. Наметанный глаз сразу определит, что это: *гайот* или *сильвоз*¹, но даже непрофессионалу может доставить истинное удовольствие вид гибких, изящных побегов, элегантно изогнутых арок и шпор. Обрезка для Секондо – переломный момент, когда сливаются воедино прошлое, настоящее и будущее виноградной лозы. И вино, конечно же! Для него это живой организм, ничем не уступающий завсегдатаям заведения – этим честным бездельникам, убивающим время за барными столиками в попытке отрешиться от повседневной суеты.

– Просекко, – произнес инспектор Стуки, подходя к барной стойке.

– Какое предпочитаете? Тихое?

– Полуигристое.

– Ферментированное в автоклаве или в бутылке?

– Не важно.

Бармен Секондо укоризненно посмотрел на полицейского.

¹ *Гайот* и *сильвоз* – типы формирования виноградной лозы (здесь и далее примеч. пер.).

Облокотившись на барную стойку, инспектор созерцал дно бокала, воображая, что это дышат крошечные существа. Пузырьки поднимались на поверхность, образуя пену, – захватывающее зрелище!

– Я ему повествую о рождении вина, а он пузырьки разглядывает! – с упреком промолвил бармен, подавая тарелку с фрикадельками.

Хорошо, допустим. Инспектор Стуки признавал, что он в этом деле не знаток и очень плохо разбирается в винах, что, впрочем, не мешало ему при случае наслаждаться бокалом хорошего вина. Но проблема в том, что Секондо превратил свою страсть к вину в своеобразную религию и все чаще, качая головой, заявлял, что если так и дальше пойдет, то навсегда исчезнут церкви, книжные магазины и бары. Людям будет совсем наплевать на историю того, что они едят и пьют, и в результате победит гомогенизированное пюре.

Бармен сопротивлялся, как японский солдат в джунглях, оплакивая те времена, когда посетители, заходя в бар, во всеуслышание кричали: «Один укольчик» или «Глоток красного!» Они жаждали получить инъекцию жизни, порцию Святого Духа.

«Глоток» обычно наливался в простой, покрытый царапинами стакан из толстого матового стекла, которое с годами стало тонким и прозрачным, нечто вроде христианского потира, как напоминание о том, что вино – это не просто напиток, а прежде всего культура. За почти тридцать лет бармен

Секондо разлил по стаканам десятки тысяч литров вина и повидал столько пьющих, что даже принялся их классифицировать. Эдакий Карл Линней любителей вина.

Секондо утверждал: обрати внимание, как человек держит бокал с вином, и ты узнаешь всю его сущность. А еще посмотри на губы пьющего, – добавлял бармен и пояснял, что губы могут касаться, всасывать, кусать, молиться, дрожать и даже напевать, пытаясь извлечь живительную влагу.

Вся правда о человеке проявляется не в состоянии опьянения от вина, а через язык жестов во время питья. Таким образом, уверял Секондо, он, например, в состоянии безошибочно отличить жителя Вероны от жителя Виченцы, эгоцентрика от нарцисса, адвоката от зубного врача или закоренелого холостяка от авантюриста, который не знает, что его ждет завтра.

– Так или иначе, сразу заметно, у кого совершенно особенные отношения с алкоголем.

– Серьезно? А как насчет того парня? – прошептал инспектор Стуки, украдкой кивая на одного из посетителей. – Судя по тому, как он трясет свой стакан, он или надеется получить масло, или у него судороги.

Бармен ничего не ответил. Он продолжал меланхолично протирать стаканы, глядя на них с такой нежностью, словно на старых добрых знакомых. Уже несколько дней подряд в мужчине угадывалась какая-то невысказанная боль.

– Что-то не так, Секондо?

– Да так... мысли одолевают, – ответил бармен, и его отяжелевшие веки вмиг прикрыли предательски заблестевшие глаза.

Нет, так не пойдет, подумал инспектор Стуки. Бармен никогда не должен впадать в депрессию. Это плохая реклама для заведения. Кто захочет пить вино, от которого тебя одолевает печаль? Потому что это первое, что приходит в голову от вида грустного бармена: во всем виновато вино, которое он наливает.

Не то чтобы инспектору уж очень нравились подмигивающие посетителям бармены – весельчаки и рубаха-парни: слишком фамильярные и ведущие себя так, словно они в курсе всех самых важных секретов гостей и не прочь кое на что намекнуть. Стуки предпочитал тех, которые умели держать должную дистанцию: вежливая улыбка, остроумная шутка, меткая цитата «между первой и второй»...

– А я как пью?

– Как будто корью заразился, – ответил бармен.

14 августа. Пятница

– Чильеджоло.

– У нас нет чильеджоло. – Секондо уже знал предстоящий спектакль наизусть.

– Тогда бовале гранде.

– И бовале гранде нет.

Дальше обычно шли красное монтескудайо, черазуоло ди виттория и кариньяно дель сульчис.

Но на этот раз бармен явно не был расположен к общению и оборвал разговор, налив привычное пино-нуар².

– Вечно в вашем заведении ничего нет! – запротестовал Пьеро по прозвищу Ной, известный в определенных кругах своей замечательной способностью безошибочно определять состав любого вина, а еще тем, что нередко от излишнего усердия ему случалось по уши налиться в процессе дегустаций.

– Так что тебе мешает пойти в приличное заведение по твоему вкусу? А то здесь, я вижу, каждый пользуется привилегией критиковать и возмущаться.

Любитель пино-нуар покосился на свой бокал и перевел взгляд на только что вошедшего в бар Стуки.

– Я плачу, и значит, имею право возмущаться!

² Чильеджоло, бовале гранде, монтескудайо, черазуоло ди виттория, кариньяно дель сульчис, пино-нуар – сорта итальянского вина.

– Это еще что за теория?

– Правильная теория!

– Куда катится мир? – принялся философствовать бармен. – Человек просыпается утром и выдает теорию: обо всем и ни о чем, о кризисе, о выходе из кризиса, о правых, о левых... Пьеро, теории так не рождаются, это тоже своего рода искусство, – отрезал Секондо.

– Хорошо, тогда приведи мне пример правильной теории.

– В период кризиса торжествуют белые вина.

– А когда торжествуют красные вина?

– Когда все идет отлично!

– И после этого ты недоволен тем, что я пью только красные вина?

– У меня есть теория о теориях, – попытался вставить Стуки.

– Супертеория? – заинтересовался Секондо.

– Естественно. Но я вам объяснять не буду, иначе вы придумаете теорию о супертеориях, и так без конца, – улыбаясь, ответил инспектор.

Стуки прокорпел целый день над документами и вырезками из старых газет, изучил массу черно-белой хроники, а на выходе из полицейского управления ему припомнилось мрачное, беспросветное, как зимний туман, настроение его приятеля-бармена, в котором тот пребывал уже несколько дней подряд. Вот и сейчас Секондо неизвестно за что рассердился на одного из своих постоянных клиентов.

– Серьезно? – спросил Стуки, чтобы разрядить обстановку. – Вы пьете только красное? Вам не нравятся белые вина?

– Изначально виноград был красным. Потом произошла какая-то генетическая мутация, повлиявшая на натуральный краситель кожицы виноградных ягод. Так появился белый виноград. Я так думаю, Господь услышал молитвы производителей шампанского.

– Многие белые вина производят из черного – разновидности красного – винограда, – вмешался в разговор Секондо.

– Вот именно! Какой смысл пить белое вино, сделанное из красного винограда? Я за соблюдение традиций!

Стуки заказал просекко и поднял бокал.

– Дорогой Секондо! Сейчас я пойду домой, и первое, что сделаю, – сниму обувь и буду ходить босиком. А дальше – жизнь покажет...

Полицейское управление города Тревизо постепенно пустело. Агент Ландрулли отправился в Болонью к родственникам. И только агент Спрейфико одиноко сидел под вентилятором и болтал в чате. По дороге домой Стуки решил зайти в ковровую лавку к дяде Сайрусу. Инспектор застал старика за странным занятием: тот пытался освежить свои любимые ковры, обмахивая их веером.

Впереди инспектора ожидал наводящий скуку Феррагосто³, один из тех нерабочих дней, когда даже преступники

³ *Феррагосто* – праздник Успения Пресвятой Богородицы, отмечается 15 ав-

предпочитают повалиться на пляже и позагорать, чтобы по возвращении с новыми силами взяться за старое.

Стуки сидел на плетеном стуле у порога своего дома. Эти стулья мастерил для соседей один древний старик, ровесник века, который все никак не решался умереть.

Инспектор налил себе стакан темного пива и открыл пакетик орешков. Время от времени он бросал взгляд на дорогу, с интересом наблюдая за жизнью переулка Дотти.

Иногда все-таки стоит выйти на улицу, пообщаться с соседями, обменяться бесполезными мнениями о жизни, выслушать некоторое количество жалоб, а также советов о том, как победить мафию, наркотики, инфляцию и, естественно, как выиграть чемпионат мира по футболу. Иногда бывает полезно просто понаблюдать, как живут соседи, если вы хотите понять, что такое настоящая жизнь.

Место, где жил инспектор, представлялось ему маленьким человеческим лесом, обитателями которого были примерно пять десятков человек и несколько кустиков герани на балконах. Еще здесь имелись: крошечный садик, четыре дверных колокольчика на цепочке, нотариус, многодетная семья с семью детьми, врач нетрадиционной медицины, несколько офисных работников, две продавщицы и три пары довольно симпатичных пенсионеров.

Среди всех жителей выделялись две довольно оригинальные личности: сестры Сандра и Вероника. Дамы неопреде-

ленного возраста, девицы, но уж точно не из-за отсутствия интереса к предмету.

Вот уже три дня, как сестер из переулка Дотти очень занимал вопрос: почему больше не слышалось громкого восклицания инспектора Стуки: «Антимама!»⁴

Дверь соседа справа открылась со всегдашним скрипом, пакет с мусором порвался, но на этот раз никакого ворчания на тему «уже экономят даже на пакетах» не последовало. Очень странно!

Сандра и Вероника находились на своем наблюдательном посту – у приоткрытого окна. Оттуда им хорошо было видно, как инспектор Стуки медленно пил пиво. Скорее всего, сегодня вечером он никуда не пойдет, решили сестры.

По наблюдениям Сандры и Вероники, уже несколько дней подряд поздно вечером инспектор куда-то уходил напояженный и в галстук. Совсем как те важные адвокаты из контор в центральных районах города или продавцы нижнего белья, которые сначала разрекламируют каждую пуговицу своего товара, а потом, если вспомнят, с вами поздороваются.

«Здесь замешана женщина!» – думали девицы, страдая от ревности; не из-за конкуренции, понятное дело, а от недостатка информации в их распоряжении. Инспектор вел себя как ведущий телевизионного выпуска новостей: произносил

⁴ На самом деле, никто из окружения инспектора Стуки так и не понял, что означает это слово.

много слов, но не говорил ничего определенного.

– Почему он нам ничего не рассказывает? – недоумевала Сандра.

– Он нам не доверяет! – прошептала Вероника с таким отчаянием, будто ей диагностировали рецидивирующий мн-онуклеоз.

– И это после всего, что мы для него сделали! – неутешно вздыхали сестры.

Сандра, младшая сестра, однажды даже предприняла попытку разговорить агента Ландрулли, выследив его у входа в полицейское управление. Конечно, она не собиралась вынуждать полицейского предать своего начальника (что, впрочем, было бы невозможно): такой поступок был недостоин сестер из переулка Дотти. Сандра всего-навсего хотела узнать кое-какие новости, выслушать некоторые предположения, ей было бы достаточно даже самого маленького намека.

– Значит, есть женщина? – прямо спросила Сандра агента Ландрулли после нескольких попыток начать разговор изда-лека.

– У кого? У меня?

– Да при чем здесь вы! У инспектора Стуки, конечно!

– У инспектора? Нет, что вы!

– Нет что? Можно ли поконкретнее? Есть или нет у него невеста? Или вам так трудно ответить? Ну, конечно, я всего лишь простая девушка из провинции.

Один на один сестры из переулка Дотти были опасны, как остро отточенный кинжал. Ландрулли предпринял попытку к бегству и стал медленно пятиться назад, скользя боком по стене. В качестве отвлекающего маневра он решил воспользоваться фразой:

– Это конфиденциальная информация.

– Вы человек, наиболее информированный о фактах, – был ответ.

Нежелание агента полиции отвечать показалось сестрам подозрительным, и они приняли решение продолжить расследование.

...Стуки нехотя поднялся и, захватив стул, вернулся в дом. Сестры затаили дыхание и напряженно ждали. Женщинам пришлось оставаться на своем наблюдательном посту целых полчаса. Наконец их усилия были вознаграждены: элегантно одетый и причесанный инспектор вышел из дома, оставляя за собой шлейф терпкого аромата. «Еще и парфюм! Все совпадает».

Не теряя ни секунды, Вероника и Сандра поспешили за Стуки. То и дело смешиваясь с людским потоком, чтобы не попасться на глаза инспектору, сестры вслед за ним пересекли центральную площадь Синьории. Стуки шел, нигде не останавливаясь, о чем-то задумавшись и не обращая никакого внимания на окружающую его величественную красоту. Казалось, наоборот – гул бесчисленного множества людских голосов заставлял его ускорить шаг. «Наверное, опаз-

дывает», – предположили сестры, когда инспектор побежал. Женщины не могли угнаться за Стуки, и очень скоро тот скрылся из виду, войдя в здание железнодорожного вокзала. «Уйдет!» Сестры были в отчаянии. Когда они наконец оказались на перроне, вокруг не было ни души. Однако у Вероники и Сандры осталась зацепка: светящееся электронное табло показало, что последний поезд ушел несколько секунд назад. «Венеция! – воскликнули преследовательницы. – Что делать ночью в Венеции?»

Этот город сейчас казался сестрам воплощением всех опасностей: в их разгоряченном воображении инспектора, как раненую чайку, уже засасывал ил Венецианской лагуны...

– Как – раненую? – спросила Сандра.

– В самое сердце, – ответила Вероника.

– Какое еще сердце? У него нет сердца! У Стуки вместо него теплообменник.

Сестры уныло поплелись обратно и вернулись на площадь Синьории. Они уселись за столиком одного из уличных кафе, из-за которого только что поднялась шумная компания недостаточно – на критический взгляд сестер – одетых молодых людей. Властным жестом Сандра подозвала официанта и приказала ему привести в порядок скатерть.

– Ты думаешь, он пошел к той полицейской?

– К какой это?.. К той самой?

– Да, к той!

– Да у нее же от горшка два вершка!

– И сиськи жирные. А еще растяжки. Согласись, это уже просто неприлично!

– Плюс косолапая – ходит, как утка переваливается.

– А еще, мне кажется, она заика. Только представь: тот ей начнет объясняться в любви, а она в ответ будет спотыкаться на каждом слове.

– Да они разойдутся! Если уже не разошлись. Я думаю, он поехал, чтобы вернуть ей кольцо.

– Точно! Он уже свободен.

И сестры облегченно вздохнули.

15 августа. Суббота

Тактика кампании по освобождению инспектора Стуки от возможной венецианской любви была проста: не отпускать его от себя ни на шаг.

За несколько минут до полудня в квартире инспектора с подозрительной деликатностью раздался звонок. В тот момент Стуки лежал на коврике и качал пресс: он давно собирался заняться укреплением мышц живота. Инспектор пообещал себе выполнить упражнение хотя бы двенадцать раз, но дело постоянно прерывалось размышлениями: почему укреплять пресс нужно обязательно в субботу?

Стуки открыл дверь. На пороге застыли сестры из переулка Дотти, они сложили губы бантиком и кокетливо хлопали ресницами. Не говоря ни слова, Сандра протянула инспектору коробку его любимого печенья – со вкусом меда и сливок. Стуки улыбнулся и принял подарок.

Не думает ли инспектор провести праздничный вечер за чтением досье или еще хуже – над книгой? Всегда читает, как его? – Манганелли!⁵ Безусловно, это подходящее чтение для полицейского, но нужно же когда-то и отвлечься.

– Развлекитесь, инспектор! Подарите себе вечер в хорошей компании. А с понедельника мы больше не станем вас

⁵ *Манганелли Джорджо* – итальянский писатель, переводчик и литературный критик.

донимать – мы наконец-то уезжаем в отпуск. Не говорите «нет», мы вас просим!

Почему бы не принять приглашение? Искушение велико: солнце стояло высоко в небе, жара не спадала, и дежурства у него не было. Инспектор мысленно поискал отговорку.

– Вечер где?

– В очень приятном месте: живописные холмы, старинный городок, интересные люди, музыка, ювелирные изделия ручной работы, вкусная еда и домашнее вино. И звезды! – щебетали сестры в унисон, – таких звезд вы в городе не увидите: всему виной световое загрязнение.

Стуки почесал бороду, все еще сомневаясь.

– Ладно, – решил инспектор, – только я не за рулем.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль у дома тарахтела красная «мини»: сестры из переулка Дотти прибыли строго вовремя, как инсулин после мороженого. Вероника вела машину, а Сандра расположилась на заднем сиденье. Обе в ярких нарядных платьях, с прелестными сумочками, но в практичной обуви. По их виду Стуки понял, что сегодня вечером придется много ходить.

У автомобиля с маленьким салоном есть один большой недостаток: пассажиры, если они любят поговорить, наполняют воздух словами так, что становится тяжело дышать. Машинка мчалась с удивительной легкостью и такой быстротой, что инспектору с трудом удавалось различать надписи на дорожных указателях. За стеклом проносились деревья,

мости, мелькали аккуратные домики и уютные ресторанчики.

Стуки судорожно сглотнул: казалось, сестры задались целью во что бы то ни стало выудить у инспектора информацию о его ночных посещениях Венеции. Он попытался отделаться общими фразами.

– Вы очень скрытный человек! – запротестовала Сандра.

Инспектор Стуки смотрел на холмистый пейзаж за окном, так не похожий на привычную им равнину. Пологие холмы казались сделанными из ярко-зеленого папье-маше, они притягивали взгляд и направляли его высоко в небо.

Их автомобиль в потоке сотни других завернул к гигантской парковке. Вслед за толпой туристов все трое направились в исторический центр средневекового городка Чизонди-Вальмарино. Стуки напрягся. Все это не предвещало ничего хорошего: невероятное скопление народа, тесные улочки, толчея и отдавленные ноги.

– Праздник ведь не здесь будет? – спросил Стуки, все еще надеясь на лучшее.

Вместо ответа Сандра взяла его за руку, словно маленького послушного мальчика, и повела за собой. Чтобы избавиться от ее навязчивого внимания, инспектор с самым заинтересованным видом стал тормозить у каждого киоска, притворяясь, что хочет все внимательно разглядеть. Сестры тоже часто останавливались, чтобы осмотреть товар и прицениться, и, уверенно оценив предложение, двигались дальше

с легкостью стрекоз.

И только когда их компания углубилась в смешение узких улиц, окруженных великолепными фасадами старинных зданий, молодому человеку удалось наконец уловить атмосферу настоящего средневекового праздника. В ней не чувствовалось присущей нашим дням невротичности, не было утомляющего шума, слышался только приглушенный гул голосов. Интенсивный людской поток напоминал инспектору скорее ритмичное движение стада грациозных антилоп и не имел ничего общего со свирепой толпой на распродажах конца сезона. Сестры заметили про себя, что Стуки расслабился. Он входил с улыбкой в ремесленные лавки и вежливо выслушивал объяснения о лавандовом мыле, дрезденском фарфоре и даже о ткацких станках.

Еще городок мог похвастаться элегантною площадью и величественным зданием ратуши. Через небольшую речушку, пересекающую город, были перекинута несколько не лишенных очарования мостиков.

Потом они немного постояли в очереди за ужином. Длинные столы вдоль улицы были заполнены довольно интересными людьми. Взгляд Стуки не раз останавливался на многих любопытных представителях человеческого рода. На ужин подали поленту⁶ с треской, блюдо не совсем летнее, но очень вкусное. Рыба, полента и белое вино на инспектора подействовали успокаивающе. «Однако!» – подумал Стуки,

⁶ *Полента* – итальянское блюдо (каша) из кукурузной крупы.

наблюдая, с какой частотой и непринужденностью сестры из переулка Дотти наполняли свои стаканы: казалось, для них это было так же естественно, как пудрить носик. Девушки блаженно улыбались. Просекко они называли «пузырьки».

– Это всего лишь углекислый газ, – сказал Стуки.

– Но это же так неромантично! – прочирикала Сандра.

– Пузырьки – это растворенный в жидкости газ, – начал объяснять инспектор и, желая произвести впечатление на дам, принялся рассказывать о законах Плато, известного химика девятнадцатого века, который занимался изучением пены. – На вершине пузырька газа соединяются три тончайшие пленки, две из них соприкасаются друг с другом под углом в сто двадцать градусов, четыре пузырька своими вершинами соединяются в одной точке.

Сестры засмеялись: придет же кому-то в голову изучать пену! Наверное, этот ученый был большим любителем шампанского. Какой замечательный предмет для изучения, не всем так везет. Стуки улыбнулся.

Вечер продолжила музыка в исполнении небольшой группы. С наступлением ночи толпа поредела: сначала стали уходить семьи с детьми, потом те, кто приехал издалека. Остались любители поговорить, холостяки, вечные влюбленные и те, кто жил неподалеку. И пьяные.

– Мы не пьяны, – запротестовала Вероника.

– Машину поведу я, – сказал Стуки.

– Вы не умеете водить «мини».

– И водит он ужасно, – заявила Сандра.

Хотя, если разобраться, в таком состоянии никто из них не должен был садиться за руль.

Они дошли до парковки, уже практически опустевшей. На холме светился огнями средневековый замок. А над ним, как и было обещано, – звезды. Запрокинув головы и совсем забыв об остеохондрозе, сестры восторженно показывали на небо пальцами.

Стуки предложил куда-нибудь зайти и выпить марочного вина – праздник, в конце концов! А переночевать можно и здесь. Компания расположилась на улице, под звездами, за деревянным столиком одного из баров. В бокалах красное вино. На близлежащие холмы опускается предрасветная свежесть. Они немного понаблюдали за шахматистами за соседним столиком. Подошел бармен и сообщил, что, к сожалению, в гостинице остался только один свободный номер на двоих, но в случае необходимости можно поставить раскладную кровать. Стуки задумался, медленно вращая свой бокал. Он бросил быстрый взгляд на сестер: Вероника и Сандра затаили дыхание... Звезды... Темно-синий небосвод, усеянный мириадами небесных светил. Стуки никогда в жизни не видел столько звезд...

16 августа. Воскресенье

«Как это могло случиться?» – в который раз спрашивал себя Стуки. В салоне автомобиля стояла настороженная тишина. У сестер из переулка Дотти был довольно взъерошенный вид, одежда слегка помята, но темные круги под глазами совсем исчезли. Временами девицы бросали на инспектора странные взгляды, в которых сквозила та особая женская рассеянность, которая не предвещает ничего хорошего. Сестры стали шептаться о каких-то спортсменах, соревнованиях, что-то о прыжках с шестом. Почему именно с шестом? Это слово для инспектора прозвучало как намек. Как такое вообще возможно?

Он прекрасно помнил комнату, вспомнил и владельца гостиницы – очень крупного мужчину довольно внушительно-го вида. «Из него одного получилось бы два вполне приличных человека», – еще подумал Стуки. Здоровяк повел их по лестнице на второй этаж, комната номер пять. Молчаливый и все понимающий. Никаких подмигиваний и двусмысленных намеков, это Стуки точно запомнил. Инспектор посмотрел ему прямо в глаза, но тот остался непроницаемым, как председатель экзаменационной комиссии.

От этого воспоминания Стуки немного воспрянул духом: это означало, что все было очень прилично, а их поведение безупречно. В самом деле, что могло быть естественнее: трое

друзей, две женщины и один мужчина, уставшие и вынужденные ночевать в одной комнате, потому что так сложились обстоятельства. Еще инспектор вспомнил: ему показался забавным тот факт, что владелец гостиницы собственноручно открыл дверь номера, словно полагая, что ключ и замок подвластны только ему и в чужих руках не сработают.

Стуки растянулся на кровати и закрыл глаза. Он держал их закрытыми до тех пор, пока девицы не разделись и не выключили свет. Шорох простыней – это последнее, что он запомнил, прежде чем уснуть. Стуки проснулся с первыми лучами солнца и обнаружил себя лежащим поперек двухспальной кровати. А засыпал он, инспектор это хорошо помнил, на узкой раскладушке, в которую сейчас упирался ногами. Что произошло?

Может быть, сестры из вежливости предложили ему поменяться кроватями, заботясь, о его удобстве? Маловероятно. Или, наверное, он поднялся ночью, чтобы защитить женщин, потому что услышал какой-то подозрительный шум. А потом лишился чувств и упал на большую кровать. Инспектор взглянул на сестер и смущенно улыбнулся.

Конечно, все именно так и случилось: он встал ночью и потерял сознание. Сандра и Вероника сжалились над ним и оставили его, спящего, на своей кровати.

– Я, случайно, не храпел ночью? – спросил Стуки.

Сестры приветливо улыбнулись.

«Уж что-то они слишком ласковы», – с тревогой подумал

инспектор.

– Бывает, что я храплю, когда выпью.

Сандра и Вероника с улыбкой покачали головами.

– Совсем не храпел? Всю ночь вел себя тихо?

– Не совсем, – уклончиво ответила Сандра.

– Может быть, я разговаривал во сне?

– Не в этом дело, – прыснули сестры, бросая на него пристальные взгляды и отчаянно кокетничая.

– Вчера я очень приятно провел время, – начал Стуки. – Я хотел вас еще раз поблагодарить за то, что вы меня пригласили. Атмосфера вечера была просто волшебной.

Стуки вернулся к пробегающим за окном автомобиля изумрудным холмам. Как это могло случиться? Инспектор прикрыл глаза рукой.

– Так вы уезжаете в отпуск? – спросил он сестер несколько минут спустя.

– Да. И уезжаем счастливые.

«Антимама!»

– А куда, если не секрет? – поспешил задать вопрос Стуки.

– В нашу любимую Хорватию. А у вас будет отпуск? Куда вы отправитесь?

Инспектор еще не решил. Хорватия его привлекала. При условии, что там не будет сестер из переулка Дотти, естественно.

17 августа. Понедельник

Выходя утром из дома, инспектор Стуки обнаружил на двери своей квартиры красное картонное сердечко, украшенное блестящей ленточкой. Сестры из переулка Дотти унеслись к хорватским небесам, как два легких воздушных змея, и оставили для него романтическое послание. Стуки развернул пахнущую духами открытку. На розовом фоне он разглядел вензель из выписанных каллиграфическим почерком двух букв: «С», то есть Сандра, и «В», то есть Вероника. После первой буквы стояла точка, вторую венчали два восклицательных знака.

Как это могло случиться?

Позже Стуки купил немного овощей и отправился в ковровую лавку навестить дядю Сайруса. Инспектор нашел того сидящим на кипе ковров, и блуждающий по комнате взгляд старика был полон такой тоски, какую может вызвать только пронизывающий до костей ветер Иранского нагорья. Перед ним на ковре – выложенные в ряд жуткие фотографии мертвецов. По большей части молодые парни. У некоторых из них вскрыты грудные клетки. Леденящий душу вид вывороченных ребер наводил на мысль о жертвоприношениях какому-то зловещему божеству.

– Где ты нашел эти снимки?

– Они засовывают их под дверь магазина, – был ответ.

– Кто – они?

Дядя Сайрус пожал плечами. Это мог быть сын господина Мадани, еще одного торговца коврами. Так молодой человек пытался привлечь внимание иранцев, живущих в городе: разбрасывая фотографии людей с вырезанными внутренностями.

– Пасдаран, стражи Исламской революции, это их работа, – лихорадочно зашептал Сайрус, тыча костлявым пальцем в изображение зияющей грудной клетки без сердца.

Это был Иран в худшем своем проявлении, тот, который дядя Сайрус не хотел ни видеть, ни вспоминать. А эти фотографии заставляли его снова и снова возвращаться к трагедии родной страны.

– Пасдаран, – тоже шепотом ответил Стуки, – люди из правительства, не патриоты отечества. Кто работает для блага государства, тот не боится смотреть в глаза своему народу. А бандиты остаются в тени и получают деньги тайно. И потрошат людей. Дядя Сайрус, ты больше не беспокойся. Я поговорю с молодым Мадани, будь уверен. Эта не тот Иран, который мы любим, не тот!

Стуки достал из пакета баклажаны.

– Помнишь, ты мне что-то рассказывал про баклажаны, которые продавали на базаре в Тегеране?

– В них можно было увидеть свое отражение. Красивые женщины соперничали за самые блестящие баклажаны. Продавцы натирали их тряпочкой до блеска, чтобы привлечь са-

МЫХ тщеславных покупательниц.

– У них что, не было зеркал?

– Да что ты понимаешь в иранских женщинах! Ох, базар овощей и фруктов в Тегеране – это что-то незабываемое! – продолжил дядя Сайрус, все больше воодушевляясь. – Огурцы, дыни, барбарис, шпинат – его варили и ели с йогуртом, а воду не выливали, а давали пить детям: если хочешь, чтобы кости были крепкими, как железо, пей воду, в которой варили шпинат, и ешь сельдерей. Еще я очень любил гранаты. Смешать в чашке лепестки роз и зерна граната и заправить все это оливковым маслом и соком лимона.

Дядя Сайрус умолк. Он задумался и нежно погладил фотографии узловатыми пальцами. «Стуки обязательно поговорит с тем юнцом и все ему объяснит. Дряхлый старик, чем я могу помочь своей стране? Мне остались только воспоминания. Стуки так ему и скажет».

Магазин господина Мадани был довольно большим и располагался в очень выгодном месте. В огромной витрине играл всеми цветами радуги вывешенный на всеобщее обозрение каскад из дорогих персидских ковров.

Хозяин магазина сидел за маленьким деревянным столиком и о чем-то размышлял. Его сын начищал объемные наргиле⁷. Инспектор задумался: с чего начать разговор? Стуки решил, что в этой ситуации он должен вести себя как на-

⁷ *Наргиле* – курительный прибор у восточных народов, сходный с кальяном.

стоящий иранец. Проблема в том, что он не до конца понимал, что именно это означает. Наконец инспектор собрался с духом. Встретившись взглядом с господином Мадани, Стуки нахмурил брови и, не произнеся ни слова, резким жестом указательного пальца в сторону молодого человека рассек воздух, всем своим видом выражая единственную мысль: «Довольно!» Конечно же, это не имело ничего общего с тем, как ведут себя иранцы. Молодой Мадани еле заметно кивнул головой. Мрачнее тучи, Стуки вышел из магазина и направился к бару Секондо в надежде на то, что бокал хорошего вина развеет его невеселые мысли.

Бармен взглянул на вошедшего Стуки с таким видом, словно обнаружил, что в его винном погребе совсем не осталось вина. Мужчина перегнулся через барную стойку и схватил инспектора за руку. По его лицу полились слезы, крупные, как роса на виноградных листьях. «Антимама, Секондо!» Первым порывом Стуки было обнять своего приятеля, но не в его правилах было обниматься с барменами, даже когда те плачут.

– Наконец-то пришли результаты вскрытия и разрешение властей. Теперь мы можем похоронить беднягу. Ночью третьего августа он переправился на противоположный берег реки... – это было сказано Секондо так, будто речь шла о переселении на другую планету.

– Кто? О ком это вы? – спросил инспектор и оглянулся по сторонам, надеясь на поддержку посетителей бара. Им, су-

дя по всему, пришлось терпеть горестные излияния Секондо уже с самого утра. Несколько мужчин молча сидели за барными столиками и всем своим видом выражали дружескую солидарность.

– Мой поставщик просекко. Граф.

– Какой граф?

– Граф Анчилотто.

Инспектор припомнил, что кое-то читал об этом в местной прессе. По долгу службы он всегда внимательно следил за новостями, и эта смерть не ускользнула от его внимания. Стуки не знал только, что этот тип был знакомым Секондо, и удивился, как тому удалось все эти дни скрывать свои чувства и держать все в секрете. Он ведь ни разу не проговорился, и Стуки ничего такого в нем не заметил. Не считая той особой грусти, причина которой теперь стала понятной.

– Самоубийство, – прошептал Секондо едва слышно, но ему самому показалось, что это было сказано слишком громко. Вдруг по какой-то причине Господь не заметил этот тяжкий проступок? Он, Секондо, конечно же, не собирался доносить.

Стуки кивнул головой: об этом тоже написали в газетах. Вызвало удивление место, где самоубийца был найден.

– Это тот самый «человек на погосте»? – в свою очередь прошептал инспектор.

– Да, он лежал у дверей семейного склепа, одетый в шелковую пижаму, а рядом стоял матузалем шампанского с гра-

виновкой на стекле: «Per aspera ad astra», – добавил Секондо. – «Через тернии к звездам».

– Это можно перевести и так: «Путь к добродетели полон препятствий», – задумчиво произнес Стуки. – Это было написано на... что такое матузалеи?

– Что? А, это шестилитровая бутылка для шампанского.

Инспектор Стуки еще не слышал, чтобы кто-нибудь из владельцев бара так хорошо отзывался о своих поставщиках. Устроившись на плетеном стуле рядом с кассовым аппаратом, Секондо принялся на все лады превозносить прекрасные качества усопшего, который выступал в обличье то рыцаря, то философа, то даже деревенского поэта. Опечаленный бармен жалобно смотрел на Стуки, напоминая ему головастика, которого вытащили из воды. Он устало потер глаза и произнес, что, по его размышлению, в смерти графа не все чисто: человек, который имел привычку прогуливаться в каштановой роще и вдоль золотившихся в лучах восходящего солнца виноградников, просто по определению не мог покончить с жизнью. И тем более – при помощи снотворного. Секондо поискал в холодильнике и вытащил бутылку с большой пробкой.

– Это выдержанное просеккино, которое изготавливал граф, – бармен ласково погладил бутылку и наполнил из нее два стакана.

– Знаете, инспектор, граф Анчилотто ни за что бы не ушел добровольно из жизни, когда до сбора винограда оставалось

всего несколько недель. После тяжких трудов в течение многих месяцев такому виноделу, каким был граф, не терпится увидеть гроздь винограда уложенными в ящики и узнать, как на этот раз все сложилось с сахаристостью, кислотностью и всеми другим параметрами, которые важны для получения хорошего вина. И потом, с шампанским! В крайнем случае могла быть франчакорта⁸, но никак не иностранное вино!

Стуки сделал маленький глоток просекко, на секунду задержав его во рту.

– Вы хотите сказать, что кто-то довел графа до самоубийства?

– Может быть, и да.

– Может быть?

– Или подсыпали ему снотворное в вино.

– Даже так? Этот господин идет на кладбище, для чего – неизвестно, и оказывается там с огромной бутылкой шампанского, в которую кто-то насыпал снотворного?

– Конечно, такой человек как граф Анчилотто был способен на какую угодно выходку: принести с собой пятнадцатилитровую бутылку навуходоносор, чтобы напиться каким-нибудь особым способом, например...

– Секондо, опомнитесь! Кто, по-вашему, мог подмешать графу в шампанское снотворное? Кому это было выгодно? Международной корпорации по производству игристых вин?

⁸ Франчакорта – итальянское игристое вино.

На успев договорить, Стуки уже пожалел о сказанном: бармен посмотрел на него с плохо скрываемой враждебностью.

– Продолжайте шутить над покойником, продолжайте...

– Может быть, вы располагаете конкретными фактами? – поспешил исправить неловкость Стуки. – Или вы так хорошо знали этого человека, что категорически исключаете временное помешательство?

Секондо надолго замолчал, казалось, он старался что-то вспомнить. Внезапно его прорвало:

– Граф любил женщин, вино, конечно же. Еще ходить пешком и смотреть на огонь. Такой человек может совершить самоубийство?

– А и вправду, – подумал Стуки и, поднеся к глазам бутылку, прочитал: «Edamus, bibamus, gaudeamus» – «Давайте есть, пить и наслаждаться!» У этого господина Анчилотто на всех бутылках были надписи на латыни?

Бармен не удостоил его ответом.

– Завтра бар будет закрыт, – объявил Секондо, – я иду на похороны.

– Закрыт? Целый день? То есть завтра никаких тефтелей?

– Это самое малое, что я могу сделать, чтобы почтить память графа.

Надо же!

– А где он жил? – спросил Стуки.

Секондо произнес название города с такой торжественно-

стью, будто речь шла о священной реке: Чизонди-Вальмарино. Именно там, где Стуки провел полную загадок ночь! «Ведьмы», – инспектор на секунду мысленно вернулся к сестрам из переулка Догги.

– Я тоже завтра пойду на похороны, – сказал инспектор Стуки.

Это было одним из тех внезапных решений, о которых никогда не знаешь, откуда они берутся. Или все-таки знаешь?

18 августа. Вторник

На похоронах господина Анчилотто, казалось, собрался весь город. В церкви яблоку было негде упасть. Первые ряды церковных скамей занимали ученики младших классов, за их спинами расположились подростки. Дальше сидели мастера-бондари, пожилые сомелье и энологи⁹ – выпускники славной школы виноделов с полуторавековой историей, находившейся в соседнем городе Конельяно. Также было много стеклодувов, работников питомников, не говоря уже об агрономах, ампелографах¹⁰, специалистах по корневой системе и фитопатологах – тех, которые воюют с вредоносными микроорганизмами, атакующими виноградную лозу. Большая часть многоликого мира вина собралась здесь в этот час, чтобы почтить память безвременно ушедшего прославленного рыцаря просекко. Среди остальных выделялись массивные фигуры торговцев и прессовщиков винограда: создавалось впечатление, что они уже сейчас ощущали на своих плечах тяжесть ожидающего их изнурительного труда во время предстоящего сбора урожая. Все присутствующие были оде-

⁹ *Энолог* – специалист, который занимается оценкой виноградников, пробой почвы, воды и вина. Обычно сам выращивает виноград и занимается производством вина.

¹⁰ *Ампелография* – раздел ботаники, занимающийся изучением и описанием видов и сортов винограда.

ты по случаю – в темные одежды строгого покроя; у всех грустные лица, сложенные на коленях руки. Тем не менее порой можно было услышать кое-какие перешептывания о делах, раздавалось тихое «по рукам», сопровождавшееся рукопожатием, – условный знак только что заключенной сделки, называлось количество литров, пробок, этикеток, бутылок, а также названия больших ресторанов, которые покупали вино по отличной цене.

Инспектор Стуки стоял в дальнем углу церкви, у самых дверей. Бармен Секондо сидел в первых рядах, среди детей и немногочисленных дальних родственников покойного графа, который и сам в свое время не позаботился о продолжении рода, и его предки, судя по всему, были не очень-то плодовиты. Когда гроб выносили из церкви, словно разрезая ожидавшую у входа толпу на два крыла, Стуки представил, что вот сейчас все поднимут высоко над головой бокалы с пенящимся вином и выпьют за короля виноделов. Но ничего подобного не произошло: в абсолютной тишине люди выстроились за гробом, и длинная молчаливая процессия двинулась по улицам города по направлению к кладбищу.

И все же, по ощущениям инспектора, основной коллективной эмоцией, царившей на похоронах господина Анчилотто, была не горечь утраты, а, скорее, удивление. Стуки не знал, что и думать: было ли это доказательством того, что граф в своей жизни не был ни к кому слишком привязан – впрочем, как и другие к нему – или, наоборот, он нако-

нец-то избавил сограждан от своего обременительного присутствия.

Стуки не вошел на кладбище, он остался у ворот и принялся рассматривать припаркованный неподалеку старый желтый автомобиль, похожий на нью-йоркское такси. Он слышал слова патера, которые, отдаваясь эхом в горячем воздухе, словно парили над холмами. Инспектор заглянул через кладбищенскую ограду. Его внимание привлекла группа мужчин в красных накидках, которые окружили могилу, чтобы попрощаться с усопшим.

– Кстати, что это было? Какое-то Братство просекко? – вспомнил об этом Стуки уже по дороге домой, исподтишка наблюдая за Секондо, который сосредоточенно вел свой старый «мерседес».

– Конечно! Те, которые были в красных накидках, – они из Братства, – ответил бармен, все еще погруженный в свои мысли. – Господин Анчилотто был одним из них. Производитель вина такого масштаба не мог быть проигнорирован Братством, которому есть дело до всего, что касается деятельности здешних виноделов. Добровольная ассоциация, которая многое сделала для местной экономики и для распространения культуры вина.

– Надо же! Братство просекко, – размышлял Стуки, пока автомобиль медленно продвигался среди виноградников, усыпанных отяжелевшими гроздьями.

Толстый ковер из аккуратно убранных опавших листьев

покрывал все пространство справа и слева от дороги, вызывая ощущение слегка несовершенного порядка.

– А что это за шлейф? – спросил Стуки, указывая на небо.

– Обыкновенный цементный завод, – ответил Секондо, не придавая особого значения увиденному.

– Большой цементный завод, – задумчиво произнес инспектор, – очень большой.

Он стал наблюдать за тем, откуда и в каком направлении двигался дым, подгоняемый ветром.

– Что ни говори, а господин Анчилотто проделал большой путь от своей виллы до места последнего упокоения, – сказал Стуки, вспомнив о расстоянии, которое они прошли от церкви до кладбища. – Человек в пижаме с шестилитровой бутылкой под мышкой, и никто его не заметил?

– Может быть, это было глубокой ночью. И вообще, все знали графа Анчилотто как человека крайне эксцентричного. Если даже кто-то его и видел, то наверняка подумал, что это очередная выходка графа.

– Выходка? Вот уж точно! Однако взять хотя бы один матузалем – он ведь тяжелый.

– Вот так: взял и умер! – бормотал Секондо, который никак не мог успокоиться, – в конце концов, эти его враги...

– Враги, Секондо? Какие враги?

– Даже если не принимать в расчет экономку графа. Та еще штучка – кислая, как пропавшая сметана.

– Чем-то она была ему полезна. И потом, кто может быть

настолько глуп, чтобы нанимать на работу врага, когда речь идет о том, чтобы класть соль в обеденный суп?

– Были и другие лица, именно в Братстве просекко. Какие-то подвалы... кое-кто из производителей вина... довольно темные личности.

– Ну конечно, всемирный заговор!

– И потом, наследство, – рассеянно произнес Секондо.

– Наследство? – насторожился инспектор.

– У него ведь не было ни детей, ни близких родственников. Кажется, есть только одна племянница, то ли в Боливии, то ли в Аргентине.

– И что?

– Дом. И особенно земля. Кто унаследует эти прекрасные виноградники?

– Подумаешь, каких-то четыре ряда.

– Гектары! Гектары виноградных холмов на вес золота.

– И как по-вашему, дорогой Секондо, кому все это достанется?

– А я откуда знаю? Вполне возможно, что Анчилотто не оставил завещания, это было бы как раз в его духе. Или еще лучше, оставил все известно кому...

– Братству просекко?

– Я вас умоляю! Братство...

– Чего?

– Братство любовных утех, вот чего. Эта особенность графа давно не была ни для кого секретом.

«Всё как всегда, – подумал Стуки. – Ничего нового. Богатые развратники; в крайнем случае, они могут быть еще и спортсменами».

– На виноделии можно много заработать? – с невинным видом спросил инспектор.

Бармен разразился гомерическим смехом, не очень-то приличным после похорон, но сразу же взял себя в руки.

– Вы даже вообразить не можете, что на самом деле представляет собой рынок вина.

– А вы не преувеличиваете, Секондо?

– Это настоящая война. Как в стране, откуда вы родом, – в Афганистане.

– Вообще-то, по происхождению я иранец. Наполовину.

– Фантастичный мир бога вина очень противоречив, в нем нет места ангелам¹¹.

– Что это значит?

– А вы когда-нибудь по-настоящему смотрели в бокал с вином? Вы действительно знаете все, что в нем кроется?

Стуки согласился, что на этот вопрос он не смог бы дать утвердительного ответа.

– Конечно, вы просто любитель. Профессионалы знают, что за этим стоит очень многое: реклама с красивыми женщинами, эксклюзивные винные туры, издание познаватель-

¹¹ «Доля ангелов» – в виноделии таким поэтическим термином обозначают ту часть различного рода алкогольных напитков, которая испаряется в процессе их выдержки в бочках.

ных книг и специализированных журналов, особая лексика, техническая терминология, курсы сомелье, дегустации, ассоциации производителей, новейшее оборудование, аналитические лаборатории, химические препараты, инвестиции, финансирование Севера и Юга, тайное и явное...

– Черт ногу сломит...

– Здесь встречаются самые изощренные отравители, действующие под видом прославленных химиков, которые добавляют яд, как приправы в ризотто, корыстные перекупщики и виноделы без стыда и совести. Но попадаются и настоящие поэты, воспевающие бескрайние виноградники и виноделие на протяжении всего пути: от крупицы земли до дерева винных бочек. Они влюблены не в бутылку, а в вино как в дело своей жизни. Это и есть та самая культура вина, и граф Анчилотто был одним из достойнейших ее представителей.

– Секондо, я вам уже посоветовал: если у вас имеются какие-либо достоверные сведения, которые могут пролить свет на загадочную смерть господина Анчилотто, сообщите об этом властям.

– Уже сделано, – ответил Секондо, но по тому, как он при этом сжал руль, стало понятно, каков был результат.

– Я упомяну об этом, когда буду разговаривать с начальником полиции, – пообещал Стуки.

За окном автомобиля ряды виноградников стали заметно редеть, холмистый ландшафт терял мягкость изгибов, постепенно превращаясь в плоскую равнину.

Начальник полиции нашел дискуссию бесполезной. Так точно, ему поступил сигнал от господина Секондо Бьянкини. Как того требовала профессиональная вежливость, он лично перезвонил господину Секондо и уверил его в том, что, принимая во внимание важность лица, о котором шла речь, компетентные органы позаботились о том, чтобы изучить дело со всей тщательностью и аккуратностью. Собранная полицией информация и сделанные на ее основе выводы не показали ничего, что было бы несовместимо с экстремальным жестом вышеупомянутого лица. Несколько секунд Стуки и начальник полиции смотрели друг на друга в упор, проговаривая, каждый про себя, свои возражения.

– А записка?

– Какая записка, инспектор?

– Та, которую обычно оставляет любой уважающий себя самоубийца. Ведь самоубийство – это в некотором роде спектакль, представление.

– Не было никакой записки. Он лежал в пижаме у фамильного склепа. Что, по-вашему, он должен был еще написать?

– Да уж.

– Я вам даже больше скажу и поделюсь некоторыми подробностями дела, о которых мы не стали сообщать прессе.

– Что вы имеете в виду?

– Карманы его пижамы были полны барбитуратов.

– Транквилизаторы?

– А знаете, каким образом господин Анчилотто откупо-

рил бутылку?

– Матузалем.

– Какой матузале́м?

– Шестилитровая бутылъ.

– Шпагой! Он напрочь отсек горлышко бутылки, как какой-нибудь наполеоновский кирасир. Вы понимаете? Сумасшедший! Не только шелковая пижама и все прочее: даже шпагу с собой на кладбище притащил! И знаете, что еще нашли рядом с телом?

– Что?

– Перчатки. Пару черных перчаток.

– Женские перчатки?

– Не думаю. Эксперты установили, что это были мотоциклетные перчатки.

– И что это значит?

– Это значит, инспектор, что граф Анчилотто ушел по-своему: театрально хлопнув дверью. Так же, как этот человек и жил. Впрочем, он мог себе это позволить.

– Я понял.

– Вы сами знаете, мы получаем в месяц десятки сообщений такого рода: аварии со смертельным исходом, которые могли быть вызваны преступным вмешательством свекрови или зятя, смерть в результате сердечного приступа, спровоцированного опекуном или внуками, жаждущими наследства, самоубийства, до которых были доведены беззащитные жертвы. Я прекрасно понимаю, что нелегко принять смерть

близкого человека, особенно когда это происходит внезапно и кажется трагической случайностью. Преступление, по крайней мере, создает иллюзию, что случившемуся есть объяснение.

– Иногда оно и в самом деле есть.

– Это верно.

Вернувшись в полицейское управление, инспектор позвал к себе в кабинет агентов Ландрулли и Спрейфико и как бы между прочим поинтересовался, что они думают о причудливом самоубийстве господина Анчилотто.

– Тот, который уснул на кладбище и не проснулся, – добавил Стуки.

Спрейфико, опершись на подоконник, высказал предположение, что, по его мнению, это была акция протеста против подорожания похоронных услуг. Господин Анчилотто на своем примере показал, как нужно поступать: улечься под солнцем, тогда твое тело высохнет и будет занимать меньше места.

Агент Ландрулли – руки скрещены за головой – не мог понять цинизма своего коллеги. Тем более по отношению к человеку, перед которым лично он готов снять шляпу. Он, Ландрулли, думал, скорее, о каком-то сильном разочаровании, смертельной душевной ране или других ужасных жизненных потрясениях.

– А если кто-то жил в достатке, пил изысканные вина и наслаждался обществом самых красивых женщин, как сул-

тан, и вообще, как сыр в масле катался?

– Вы хотите сказать, что у него не было проблем и не могло быть страданий? – удивленно спросил Ландрулли.

– Именно так.

– Значит, возможно, у него была неизлечимая болезнь, – произнес молодой человек, тщательно подбирая слова.

Это была уже гипотеза. Стуки о таком не подумал. Это вполне могло оказаться правдой.

Секондо же не согласился. Зайдя к нему в бар, Стуки спросил, знал ли бармен что-нибудь о состоянии здоровья своего бывшего поставщика просекко.

– Здоров, как угорь по возвращении из Саргассова моря, – пошутил Секондо. – Шестьдесят пять лет, сосуды без холестериновых бляшек и крепкие суставы.

– А откуда у вас такая информация?

Секондо промолчал.

«Антимама!» – подумал Стуки.

– Только не надо меня убеждать, что вы были настолько близки, что проходили ежегодный медосмотр у одних и тех же врачей и даже обсуждали друг с другом результаты анализов.

– Это нет, конечно. Но от меня он никогда бы не стал скрывать серьезных проблем.

– Простите меня, Секондо, но меня мучает вопрос: с по-

ставщиками рамандоло¹² и пино-нуар вы ведете себя так же?

Стуки заметил, что бармен покраснел.

– Вы были друзьями?

Секондо кивнул и отвел глаза.

– Давняя дружба? Еще до общих коммерческих дел?

– Четыре года в Маракайбо и три года в Буэнос-Айресе, вместе.

– Понимаю. Танцевать танго на одном и том же танцполе – это связывает навсегда.

– Еще как!

Агент Ландрулли не хотел верить, что господин Анчилотто был здоров. Нельзя было объяснить самоубийство без какой-нибудь серьезной причины. И если причиной было не тело и, судя по всему, не душевные терзания, то какого черта этот тип решил свести счеты с жизнью?

– Так считает бармен Секондо, который знал графа очень хорошо, – сказал Стуки и принялся расхаживать по кабинету. – Ландрулли, чтобы избавиться от сомнений: найди того, кто проводил аутопсию господина Анчилотто и изучи хорошенько результаты вскрытия. Скажи, что тебя послал начальник полиции.

– Хорошо, инспектор.

– Кроме того, что мы знаем о мире вина? – спросил Стуки.

– Вы имеете в виду алкогольный напиток?

¹² *Рамандоло* – сорт итальянского вина.

– Именно, Спрейфико, тот, который разливают по бутылкам.

– Я знаю четыре «слишком» для вина.

– Ну-ка, послушаем.

– Не предлагай его слишком много, не смешивай слишком много белого и красного, не пей слишком много и не плати слишком мало.

– Похоже, что этот мир слишком сложен, – пробормотал Стуки.

– Это совсем как мир мороженого, мне один знакомый рассказывал! – воскликнул Ландрулли.

– Да что ты, и тот тоже? Наверное, из-за моно-и триглицеридов?

Агент Ландрулли выглядел озадаченным.

В своей квартире в переулке Дотти инспектор Стуки слушал негромкую музыку с компакт-диска, подаренного ему агентом Терезой Брунетти из полицейского управления города Венеции. «Очень волнующе», – прошептала она ему по телефону. Эту мелодию сочинил один американец, который, зная, что дни его сочтены, собрал у себя своих друзей-музыкантов, и в качестве завещания оставил им эти звуки. Под чуть меланхоличную музыку, написанную умирающим, от проникновенного голоса, который пел о райских вратах, инспектора стало клонить в сон. Прежде чем заснуть, Стуки подумал, что ему нравится бесстрашие этого янки. И пообе-

щал себе заглянуть в дом господина Анчилотто.

19 августа. Среда

Бармен Секондо испытывал весьма противоречивые чувства. То, что инспектор захотел разобраться в обстоятельствах смерти его друга, – это, конечно, радовало. Но мужчину смущало, что он должен был помочь Стуки тайно проникнуть в дом графа.

– Мне нужно достать ключи, – сказал Стуки.

– Инспектор, я только что вспомнил, у меня есть дубликат ключей, – наконец-то решился Секондо.

– Даже так?

– Я часто сам ездил к графу за вином. По дружбе он разрешал мне самому забирать бутылки вина со склада. Господин Анчилогто дал мне ключи на тот случай, если его вдруг не окажется дома. Или если он будет занят деликатным делом, от которого нельзя отвлечься.

– Так уж и нельзя?

– Не ради ста литров просекко, конечно.

Вечером, после целого дня рутинной работы в полицейском управлении, инспектор Стуки отправился в Чизонди-Вальмарино, городок, где жил граф Анчилогто. Оставив позади средневековый замок, он повернул налево на так называемую Дорогу просекко – полный очарования эногастрономический маршрут, проходящий среди виноградных холмов с плодородной почвой из глинистого известняка и пес-

чаника: чудесной комбинации, какую мог изобрести только бог геологии. Стуки уже был в этих краях несколько лет назад, зимой. Тогда пейзаж был другим: голые холмы и обретенные лозы, черенки согнуты и привязаны к железным прутьям – казалось, они застыли в ожидании, как пловцы, готовые нырнуть в воду, и терпеливо ждут, когда весной лимфа вновь начнет свое движение.

Инспектор без труда нашел дом господина Анчилотто: указания Секондо были точны вплоть до сантиметра. Вилла была обнесена каменной оградой, продолжавшей стены церковного прихода. Это было очень импозантное строение, с гербом на железных воротах и с подъездной аллеей. У дома росли невысокие деревья шаровидной магнолии. «Последнее десятилетие девятнадцатого века», – на глаз определил Стуки и принялся открывать калитку ключом, который он получил от Секондо. Ключей, на самом деле, было два: один от ворот и второй от склада на заднем дворе. Как сказал Секондо, все остальные помещения виллы никогда не запирались, поэтому инспектор сможет осмотреть все, что его заинтересует.

Калитка жалобно закрипела. Инспектор обратил внимание, что на раме ворот не было ни единого пятнышка ржавчины: очищена очень тщательно и выкрашена, как положено. Подъездная аллея напоминала тихий, темный туннель: магнолии переплелись ветвями, образуя купол из листьев. Перед домом была разбита лужайка с ухоженными кустами

роз. К главному входу вела лестница. Полицейский заметил, что стеклянные окошки входной двери нуждались в ремонте: краска на рамах облупилась и два стекла были разбиты. Шагая по дорожке из кирпича, Стуки обошел дом. С обратной стороны здания обнаружилась арочная дверь. Открыв ее, инспектор оказался в просторном гараже. Здесь стояла красно-белая «Лянча Фульвия», по отпечаткам на полу инспектор заключил, что всего машин было три. Возле стены были выставлены в ряд рабочие ботинки, шлепанцы, сапоги – все, что нужно, чтобы зайти или выйти из дома. Зонт, трость для прогулок. Горный ледоруб.

Что гараж использовался еще и как склад, было понятно по длинному ряду полок, на которых были хаотично разбросаны самые разнообразные предметы, как будто их много раз брали и клали обратно, пока в этом не пропала необходимость. Стуки немного порылся во всем этом инвентаре: ножницы, веревки, молотки, воронки, длинный красный поводок, несколько пар рабочих перчаток. От жилой части дома гараж отделяла массивная дверь из темного дерева. Инспектор попробовал нажать на дверную ручку, и дверь поддалась.

Стуки раскрыл рот от удивления. Он ожидал увидеть роскошные апартаменты с шикарной обстановкой, но вместо этого попал в просторное полупустое помещение с высоченными потолками. Из мебели были только длинный деревянный стол с двумя стульями и скамья рядом с внушительных размеров камином. И больше ничего. Слева от камина

находились две двери и широкая парадная лестница, которая вела на верхний этаж. Стуки потопал ногами по керамическому полу, чтобы отряхнуть воображаемую пыль. Его внимание привлекла лестница. На темной лестничной площадке он нащупал выключатель. Включенный свет осветил длинный коридор со множеством дверей по обеим сторонам. Инспектор прошел вдоль по коридору и вышел на просторную террасу. Он уже заметил ее раньше, когда еще только приближался к вилле. Полицейский вернулся в дом и осмотрел все комнаты. Они оказались почти пустыми: одна спальня с предметами первой необходимости, в других он нашел несколько столиков, стояли какие-то чемоданы, кое-где попадались кресла-качалки.

Рабочий кабинет графа резко контрастировал с остальными комнатами: здесь располагалась превосходная библиотека, занимавшая три стены. Стуки приблизился к столу, за которым с комфортом могла бы пообедать дюжина человек. Инспектор передвинул лампу и сел в жесткое кожаное кресло. Протянув руку, Стуки взял с полки книгу: «Выращивание винограда в Эльзасе». Он вытащил другую: «Чаны для вина в Грузии». Третья книга называлась «Миллардет, Планшон, Раваз: герои борьбы с филлоксерой винограда». Инспектор припомнил, что кое-что читал о том, как против этого вредного насекомого была развязана целая война, и это был один из тех примеров выигранных войн, от которых есть явная польза. Стуки проверил еще с десятков книг: все

они были или о вине, или о винограде. Не веря своим глазам, инспектор лихорадочно просмотрел целую стену книг: огромное собрание сочинений на сотне языков из всего того, что было написано об искусстве изготовления алкогольных напитков. Попадались довольно редкие издания, некоторые очень ценные. Имелись карты земельных угодий, высот, почвенные профили – даже чилийские и пиренейские. У этого человека, сказал себе Стуки, была одержимость. Или подлинная, всепоглощающая страсть. Наверняка графу повезло найти дело своей жизни.

Инспектор поискал ванную комнату. В шкафчике за дверью стояли баночки с кремами для рук и лица, лежал тюбик зубной пасты с глиной и ватные диски. Аспирин, какие-то таблетки от головной боли, витамины и глазные капли на самой верхней полке.

Стуки вернулся на первый этаж и осмотрел и другие смежные помещения. Они оказались практически пусты. Все, кроме кухни. Дровяная печь, кухонные шкафчики со стеклянными дверцами, за стеклом – целая выставка стаканов. На старинной вытяжке и на полках расставлены полчища кастрюль. Имелась и современная бытовая техника ведущих марок: хлебопечка, машинка для приготовления домашней пасты, электрические миксеры и электросбиватели, а также многочисленные венчики, сита, ситечки, шумовки и половники повсюду. Из кухни через маленькую дверь можно было попасть в забитую до отказа кладовку, а оттуда – в сад.

С левой стороны, между кухней и гаражом, через который он вошел, вела вниз лестница. Скорее всего, в винный погреб. Стуки спустился ступенек на двадцать и остановился перед наглухо закрытой дверью. У него не было ключа, чтобы проникнуть в эту секретную крепость. Инспектор приблизил лицо к двери и понюхал пробивавшийся сквозь щели воздух. Он ощутил очень легкий запах плесени – индикатор защитной атмосферы, пропитанной минимальными, едва уловимыми испарениями.

Мужчина некоторое время оставался в нерешительности, борясь с желанием взломать замок, даже несмотря на то, что тот казался крепким и надежным. Вдруг он увидел сверкнувшую в небе молнию и через несколько секунд услышал раскаты грома: приближалась гроза. Стуки поднялся на верхний этаж и из окна одной из комнат наслаждался спектаклем: порывистый ветер мял магнолии и поднимал в воздух кучи листьев, а льющий как из ведра дождь дал начало стремительным мутным потокам, низвергающимся из водостоков. Эта безудержная вакханалия длилась около получаса. Переждав грозу, Стуки тщательно закрыл за собой дверь гаража и, переступая через лужи, добрался до машины. «Обычное самоубийство?» – вполголоса произнес инспектор. Он был в недоумении, как и бармен Секондо, но только потому, что этот добровольный уход из жизни не был таким однозначным, как могло показаться на первый взгляд.

– Вы осмотрели виллу? Что скажете?

– Очень необычное жилище.

– Обнаружили что-то особенное?

Стуки забежал к Секондо пораньше, чтобы вернуть ключи. Еще инспектор хотел обсудить с ним материальное положение господина Анчилотто. Потому что тот, кто распродает мебель, скорее всего, имеет проблемы с деньгами. Наркотики? Рискованные инвестиции? Возможно, граф посчитал себя гением финансов и начал скупать акции и облигации несуществующих компаний. Бармен пришел в ярость. Он настаивал на том, что финансовое положение графа было стабильным. Он даже спонсировал одну научную экспедицию в Армению для изучения генетических корней просекко.

– В науку вкладывался! А вы – кризис!

– Послушайте, Секондо, не могли бы вы мне рассказать поподробнее об этом господине Анчилотто?

У Секондо, ожидавшего визита инспектора, оказалось с собой несколько фотографий. Это были снимки семидесятых годов: групповые фото итальянской общины в Маракайбо. Несколько важных дам и улыбающихся мужчин: белые рубашки, беззаботный вид. Граф Анчилотто был красив: высокий, со светло-каштановыми густыми волосами, правильный овал лица, голливудская улыбка и слегка высокомерный взгляд. На одной фотографии он запечатлен в образе Джеймса Бонда, в черном смокинге и с длинным пистолетом, при-

жатым к груди.

Анчилотто был пилотом аргентинских авиалиний, летал в Патагонию. Также он слыл опытным механиком. Еще в юности граф задался целью выучиться на инженера-гидравлика. Его заветной мечтой было создать такую систему ирригации, которая бы сразу победила засуху на всей планете. Но в конечном итоге Анчилотто влюбился в виноградные лозы. Странная любовь. Ведь виноградник эгоцентричен, а вино – это тайна. А граф, который также был эгоцентриком, ненавидел тайны. Его привлекало вино, как тянуло друг к другу противоположные полюса магнита. После смерти отца господин Анчилотто унаследовал значительные земельные угодья, в том числе венесуэльские поместья в Маракай-бо, которые давали очень неплохой доход. По возвращении в Италию страсть к земле и виноградникам побудила графа заняться разведением винограда тех сортов, для которых эта местность больше всего подходит: в основном «просекко»¹³ и немного «рефоско»¹⁴.

– Может быть, у него были неприятности из-за метанола?

Секондо метался за барной стойкой, словно медведь в клетке.

– Даже не шутите по этому поводу! Прежде, чем стать ви-

¹³ Игристое вино просекко изготавливается из винограда сорта «глера» (до 2009 года слово «просекко» использовалось как синоним наименования сорта, сейчас оно может употребляться только в качестве названия вина).

¹⁴ «Рефоско» – древний сорт красного винограда.

ноделом, граф был виноградарем. Он сам выращивал свой виноград и отправлял его в самые лучшие винодельни, которые производили вино, соблюдая технологию процесса винификации с математической точностью. Эти вина поставлялись в самые изысканные рестораны Италии.

– Тогда, возможно, он поскользнулся на дозировке сульфитов?

– Это еще раз доказывает, что вы ничего не смыслите в виноделии. Граф не был одним из тех хлыщей в галстуках, которые глаз не сводят с квотаций своих виноградников на фондовой бирже. Если бы это зависело от него, виноград бы до сих пор давили ногами, как это делали раньше. У господина Анчилотто слезы выступали на глазах, когда он принимался рассказывать о том, как в старину собирали урожай винограда, и всегда мне повторял: «Я бы всех этих бездельников-футболистов поставил давить виноград ногами, вместе с теми бездельниками, которые их тренируют. Лучшая тренировка для ног – в чанах!»

– Одержимый!

– Безумец, который сам вникал во все тонкости производства своего вина высочайшего качества, хранившегося в фирменных бутылках с выгравированными на стекле изречениями на латыни. И дарил его тем, кто этого заслуживал.

– А вы, Секондо, заслуживали?

– Думаю, что да.

– Ну, хорошо. Значит, объяснение случившемуся нужно

искать в кризисе всей отрасли. Мы знаем, что в виноделии сейчас наблюдается застой, виноградарство испытывает значительные трудности, цены на виноград упали. Чрезмерное финансовое воздействие...

– О чем вы говорите? Рынок просекко держится. Исторические территории производства получили наименование контролируемого и гарантированного происхождения, что означает дальнейшее признание качества.

– Но белые вина не отступают во время кризиса, если следовать вашей же теории.

– Естественно.

– И как только снова начнется экономический рост, белые вина обречены.

– За жестом графа не стояли экономические мотивы, я в этом уверен.

– Тогда что?

– Я не в состоянии для себя это уяснить.

– Вы знали, что господин Анчилотто принес с собой на кладбище шпагу, которой откупорил бутылку?

– Не может быть!

– И что рядом с телом нашли черные перчатки? Перчатки, подумать только! Зачем они ему понадобились летом?

Стуки и Секондо пристально посмотрели в глаза друг другу, как это иногда случается между барменом и его последним ночным клиентом.

Скребу и тру. Тру и скребу. Они трут

моментальные лотереи, а я скребу ржавчину. Потому что удача ускользает, а ржавчина остается. Этот народ погряз в ржавчине. Ржавый народ, он не достоин империи. На могиле засохшие экскременты наглых голубей. Так-то они почтили память усопшего Кекко Моччиа, который улетел на небеса 12 сентября 1996 года. Стая гадающих птиц, бедный Моччиа, он этого не заслужил. Тот, который два десятилетия неустанно трудился на ниве коммерции. Кекко Моччиа продавал отличные бензопилы и никогда не настаивал на покупке. В его магазине даже висела табличка с надписью: «Разве я кого-нибудь заставлял покупать?» И так как Кекко был человеком прямым и открытым, то рядом он повесил предупреждение для клиентов: «Ты только спросить? Иди в другое место. Здесь мы продаем, а вы покупаете». Было еще такое: «Оставьте детей дома. Вы когда-нибудь видели ребенка с бензопилой?» Или другая, на ту же тему: «Собакам вход разрешен, они все равно не знают, что такое бензопила».

Замечательный человек! Злая судьба подвергла его тяжелому испытанию: Моччиа оказался на скамье подсудимых за растрату денег из общей кассы. Но если из общей – это значит, что деньги были не чужие, а и его тоже, ведь так? Чиновники-бюрократы в суде даже слушать не захотели о том, на реализацию каких революционных изобретений и осуществление каких гениальных проектов предназначались эти деньги. Да он бы мог изменить судьбу империи и

даже всего человечества! Чего только стоил проект молотилки велосипедов. Это бы сразу решило огромную проблему автоводителей с велосипедистами, которые толпами катятся рядом с автомобилями, особенно по воскресеньям. Его молотилка могла срезать их на корню, упаковывать и складывать штабелями, как кукурузный силос. Или другое изобретение – автоматический распылитель навоза. Достаточно было разместить его на задней части машины, аппарат приводился в действие автоматически после обгона другого транспортного средства, которое двигалось как черепаха. Кекко Моччиа также разработал версию с боковыми распылителями для использования против медлительных пешеходов, переходящих дорогу с такой нерешительностью, будто специально для этой цели выращенные фазаны, которых только что выпустили перед охотой. Версия была доступна с доплатой, не превышающей пятнадцати процентов от цены базовой модели.

Все проекты, которые местные банкиры-плутократы не хотели финансировать, тем самым препятствуя созданию экспериментального прототипа. Такая же судьба постигла веломаячок – велосипед особого типа, оснащенный специальными световыми сигнализаторами, которые активировались в момент, когда супруг, захотевший проехаться на велосипеде для борьбы с сидячим образом жизни, вдруг решил остановиться в одном из баров или, чего доброго, надумал отдохнуть

на диване одной хорошей знакомой. Или бензопила для безруких. Она заводилась ногами, которые для этого нужно было поместить в специальные носки. Ведь это изобретение позволяло не только держать в порядке живую изгородь или подлесок, но и – какая благородная цель! – поощрять вовлечение в профессиональную деятельность представителей данной категории граждан. Деликатная и бесшумная бензопила для цветов, бензопила для листового салата в теплицах – этот проект был реализован его более удачливыми конкурентами благодаря австрийским капиталам. Изысканные коллекционные модели бензопил с инкрустацией ручной работы, приуроченные к памятным датам. Все эти замечательные идеи были отвергнуты бюрократами и банкирами, которые заслуживают наказания палками. Поэтому неудивительно, что однажды Кекко Моччиа не выдержал, завел свою самую большую бензопилу и бросился на этих злостных завистников. А умер он, задохнувшись выхлопными газами, потому что его легкие уже давно оставляли желать лучшего. Как и мой отец, год рождения 1918, который доблестно сражался на Кефалонии и вернулся с легкими, полными кефали. Он тоже прежде времени оставил свою семью. А я все тру и скребу...

20 августа. Четверг

Дни стояли такие жаркие, что казалось, будто лето никогда не кончится. А когда наконец придет короткая осень, нужно будет уже наряжать елку, а не собирать каштаны и ходить по грибы. Такого количества солнечных дней подряд старожилы уже давно не могли припомнить: то ли Создатель включил дополнительное освещение, то ли из-за какой-то гормональной неразберихи у светила начались приливы.

Инспектор Стуки, как и все его коллеги, вынужден был работать в кабинете без кондиционера. Ландрубли пришла в голову гениальная идея принести с собой портативный походный холодильник, который он разместил под столом. Хотя бы бутылки с прохладной водой были всегда под рукой. Стуки без труда выпивал пару литров воды в день.

Инспектор поднес бутылку воды ко рту и замер: в памяти внезапно всплыло одно зыбкое ощущение по поводу смерти Анчилотто, которое раньше от него ускользало: в этой трагедии было слишком много порядка. Между тем сам по себе граф был далеко не приверженцем упорядоченного образа жизни. Разбитые стекла перед входной дверью, беспорядок в гараже, полупустой дом – эти малозначительные на первый взгляд детали как бы выражали желание мужчины избавиться от переживаний по поводу того, что всё должно быть на своем месте.

Но в ту ночь граф Анчилотто надевает дорожную шелковую пижаму и под покровом темноты выходит из дома с бутылкой шампанского под мышкой, не забыв захватить с собой шпагу и полдюжины упаковок снотворного. Он опускается у фамильного склепа, где нашел успокоение прах его предков, отсекает шпагой горлышко бутылки, добавляет снотворного и пьет. Затем устраивается поудобнее и любуется звездами. Может быть, ему повезло и он даже смог наблюдать падение метеорита, сторающего в плотных слоях атмосферы. Для своего ухода Анчилотто выбрал один из тех дней, когда еще случаются последние летние грозы, но града ожидать не приходится. Дни, далекие от периода весеннего цветения и ложной мучнистой росы, поражающей виноградные лозы. Такое впечатление, что граф решил уйти только после того, как сделал все, что должен был сделать.

Все было совсем не так, как полагал Секондо. Смерть Анчилотто была рассчитана до мелочей. Если бы граф дождался сбора урожая, ему бы пришлось заниматься прессованием винограда, потом беспокоиться о ферментированном сусле, а затем позаботиться о полученном из него вине. Даже без записки с подписью, уже в самой этой смерти содержалось послание.

Сам того не желая, инспектор довольно резко отчитал агента Ландрулли за то, что тот забыл предоставить результаты вскрытия Анчилотто.

– Тебе это больше не интересно? – уколол его Стуки, от-

давая себе отчет в том, что это было его собственным желанием – поскорее узнать все подробности дела.

Несмотря на бумажную волокиту, заваленный работой по горло, мыслями инспектор был уже далеко отсюда – среди виноградных холмов «просекко».

Перед тем, как уйти с работы, инспектор Стуки, уже более вежливым тоном и успокоившись, попросил Ландрулли раздобыть ему результаты аутопсии, а также проверить, не обращался ли господин Анчилотто к нотариусу по вопросу о своем завещании, содержание которого могло навести на мысль и дать какую-то подсказку в этой запутанной истории.

Подъезжая на машине к городу, Стуки время от времени бросал взгляд на выстроенные на склонах холмов каменные коттеджи, вид которых с дороги напоминал гигантский вертеп. Улочки казались серыми, спутанными в клубок змеями, ездить по ним приходилось очень медленно, внимательно глядя во все зеркала. На одной из узких улиц инспектору с трудом удалось разминуться с трактором, двигавшимся в противоположном направлении. Ряды виноградников были похожи на легионы пеших воинов времен античных войн. Гибкие, как лианы, лозы казались нежными и слабыми, они вились вокруг опорных столбов и вдоль протянутой между ними железной проволоки. Возможно, это своего рода возмездие, что такой упорядоченный и аккуратный процесс, как разведение винограда, дает начало жидкости, вызыва-

ющей, как джин из бутылки, самые разнообразные последствия: она толкает слабого человека к супружеской неверности, помогает растворить усталость после дня напряженной работы и так или иначе выдает всю скрытую сущность человека. Влюбленному помогает решиться и сделать первый шаг. Верующих погружает в тайну крови Христовой, а философов – в сокровенные уголки разума. Всё благодаря этим листьям, которые улавливают солнечный свет и превращают его в сахар. А тот, в свою очередь, в содружестве с дрожжевыми грибочками дает начало спирту.

Инспектор оставил машину на большой парковке, той же, на которой стояла красная «мини» в праздничный вечер Феррагосто, когда он, судя по всему, был пойман в сети сестрами из переулка Дотти. «Как это возможно?» – в сотый раз спросил себя инспектор. Попался на крючок, как треска или тунец. Стуки решил спокойно пройтись по городку. Он шел медленно, читая все дорожные указатели, рассматривая таблички с названиями улиц, переулков, площадей, вывески баров и ресторанов, а также музеев и разных других заведений, попадавшихся ему на пути. Можно очень многое понять о месте, внимательно читая вывески и указатели.

В этот час народу было совсем немного. Инспектор зашел в бар на центральной площади и заказал вина. Напротив бара возвышалась церковь, широкая лестница вела к дому приходского священника. Какой миниатюрный городок – всё в пределах шаговой доступности и легко достижимо.

Вот только дело, которым он занимался, оказалось довольно трудным. Стуки поговорил немного с официанткой о графе. Та его довольно хорошо знала. Господин Анчилотто каждый день приходил завтракать в бар, где у него имелся свой счет. Граф оплачивал все в конце месяца, в том числе и кофе, которым угощал мэра, библиотекаря, директора музея радио, билетера небольшого городского театра и Исаака Питуссо.

– А это кто? – заинтересовался Стуки.

– Местный дурачок. Сумасшедший, который целыми днями только и делает, что скоблит ржавчину с крестов на кладбище, а когда в настроении, то и с ворот и металлических оград домов.

Женщина улыбнулась, возможно, вспомнив какой-то забавный случай.

– А граф... вы видели его и в дни, непосредственно предшествующие трагическому...

– Вообще-то нет, – ответила официантка, как будто только сейчас сообразив, что она не могла припомнить графа сидящим за одним из столиков с видом на площадь уже за несколько недель до его смерти.

– Вам не показалось это странным?

– Я знала, что господин Анчилотто много путешествует. Я решила, что он был занят. Хотя, если я правильно помню, в один из тех дней я видела графа прогуливающимся с Исааком-дурачком, а также с патером и с библиотекаршей. Господин Анчилотто был интеллектуалом, не чета нам!

– Но интеллектуалов – поправьте меня, если я ошибаюсь, – не очень-то любят в здешних краях.

Официантка с задумчивым видом пошла в бар, чтобы налить пива одному из гостей.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она, опять подойдя к столику инспектора.

Стуки взглянул на женщину с сомнением. Рассуждения о культуре – дело довольно неблагодарное, тема эта скользкая, всегда найдутся спорные моменты.

– Возможно, он был высокомерный тип и горожане его игнорировали, даже изолировали. А одиночество, понятное дело, может подтолкнуть человека к трагичным поступкам.

Женщина залилась громким смехом.

– Графа? Его никому бы не удалось изолировать, даже если бы они этого очень сильно захотели. Наоборот, он первый ко всем приставал с разговорами. И потом – одиночество! Спросите об этом у некоторых девиц из Бассано.

– Не знаю, можно ли так выразиться... он упражнялся там, в Бассано?

– Упражнялся? Назовем это так. Тренировки, выездные игры, но и много домашних матчей тоже. Даже его сосед дон Амброзио жаловался на шум. Особенно когда графу случилось забить гол.

– Тогда я не понимаю, как такой человек смог покончить с жизнью?

Официантка немного помолчала, что-то обдумывая.

– А что, если это было не самоубийство?

– Вы думаете об убийстве под видом самоубийства?

Женщина пожала плечами.

– Возможно, что за этим стоит какая-то темная история? –

продолжал настаивать Стуки.

Но ему больше не удалось ничего из нее вытянуть. Только имя одной из «спортсменок» из Бассано – Кикка.

– А вы как о ней узнали? Господин Анчилотто сам всем о ней рассказывал?

– О, он называл ее своей племянницей: его племянница Кикка, которая жила в Бассано, в этом великолепном городе-крепости. Иногда граф приходил с этой красивой брюнеткой в бар завтракать. Понятное дело, он делал это, чтобы немного поразвлечься: ему нравилось провоцировать городских ханжей.

– И дона Амброзио в том числе. Возможно, их огненные ночи любви также были симуляцией?

– Не думаю. Однако такие девушки, как эта Кикка, могут иметь весьма опасные знакомства. Кто знает?

– Вы бы могли мне ее описать?

«Лакомый кусочек!» – подумал Стуки. А еще удивился: с какой точностью женщины в состоянии заметить все, вплоть до мельчайших подробностей, когда речь идет об их сопернице или просто другой женщине. Особенно когда дело касается маленьких недостатков.

Священника городка, дон Амброзио, инспектор уже встречал на похоронах графа Анчилотто. Когда в девять часов вечера Стуки позвонил в дверь приходского дома, отвлекая того от просмотра телепередач, патер не нашел нужным пригласить инспектора войти. Он сам подошел к калитке, натянув на лицо дежурную улыбку, сложил руки на животе, всем своим видом выражая полное взаимопонимание, и внимательно выслушал инспектора Стуки, не преминув напомнить ему, что пару недель назад он уже все рассказал полиции о беспокойной жизни графа.

Как на соседа на графа дон Амброзио пожаловаться не мог. В городе случалось и похуже. Конечно, господин Анчилотто излишней скромностью не отличался, а еще никогда не выключал свет во дворе своей виллы.

– Говорят, что его дом можно было назвать довольно открытым?

– В каком-то смысле да.

– Скажем, гостеприимный дом?

– Но не ночью же! Господь наказывает нам спать по ночам.

– Вы бы не могли мне сказать, кто помогал господину Анчилотто по хозяйству?

– Синьора Аделе Тоньют.

– Вы думаете, я ее потревожу, если приду к ней в этот час?

– Нет. Идите, идите. Она живет одна, к тому же страдает бессонницей. Вы должны вернуться на площадь, пройти в арку, потом вниз по лестнице до мостика. Как перейдете

через ручей, третий дом слева – там живет синьора Аделе. Хотите, я позвоню и предупрежу о вашем приходе?

– Спасибо, дон Амброзио.

Патер, которому не терпелось вернуться к своему телевизору, с облегчением засеменил в дом. Инспектор, следуя указаниям дона Амброзио, перешел мостик. Поднимаясь по ступенькам, Стуки обратил внимание на слабый огонек висящей на деревце лампочки, в мерцающем свете которой он различил силуэты четырех мужчин, судя по всему иностранцев, увлеченно играющих в настольный футбол на заднем дворе одного из соседних домов.

Один из четверых был таким высоким, что ему приходилось изгибаться, чтобы отбивать мяч, летящий в ворота: он взял на себя роль защитника. Остальным трем было от тридцати до сорока. «Славянская внешность», – подумал Стуки. Мужчины переговаривались очень тихо, чтобы лишний раз не раздражать соседей.

– Кто выигрывает? – спросил Стуки.

– Кто лучше играет, – ответил один из них, с длинными густыми волосами и лицом художника.

– Всегда выигрывают лучшие, даже обидно!

Аделе Тоньют стояла на балконе, украшенном горшками с геранью, с которыми было бы не стыдно поучаствовать в конкурсе на самый цветущий балкон.

– Добрый вечер, синьора! Я хотел бы вас спросить кое-что о господине Анчилотто...

– Вы кто?

– Вас не предупредил дон Амброзио? Он не звонил?

– А, это! Я и забыла. Извините, как вас зовут?

– Инспектор Стуки, полицейское управление Тревизо.

– Вам холодно?

– Нет.

– Тогда можно поговорить и так, с балкона.

– Хорошо, – ответил Стуки, оглядываясь. Рядом никого не было. – Вас удивило то, что произошло с господином Анчилотто?

Синьора Аделе вдруг разволновалась, губы ее задрожали. Первым порывом женщины было вернуться в комнату, но она сдержала себя и стояла, крепко ухватившись за перила балкона.

– Да, – сказала она еле слышно.

– У него были неприятности?

– Он был немного уставшим.

– Только уставшим?

– Обычные проблемы со здоровьем для мужчины в шестьдесят пять.

Стуки желал расспросить экономку о вилле графа: о полупустом доме, странностях обстановки, о винном погребе. Но инспектору не хотелось сообщать женщине, что он уже побывал там, воспользовавшись ключами Секондо.

– Возможно ли осмотреть дом господина Анчилотто? Вы бы могли меня сопровождать?

– Вы полицейский и проводите расследование? Разве есть какие-то подозрения по поводу смерти графа?

– Никаких. Обычные формальности, связанные с наследством, – на ходу выдумал Стуки.

– Наследство?

– Вы об этом ничего не слышали, синьора Тоньют?

– Нет, это меня не касается.

– Могло так случиться, что господин Анчилотто оставил все свое имущество... как ее зовут?

– Кого?

– А, вспомнил! Кикка из Бассано.

Женщина сделала вид, что не услышала.

– Когда вы хотите осмотреть виллу графа?

– Не знаю, скажите вы, когда вам будет удобно.

– Ну раз уж вы здесь...

Вслед за синьорой Аделе Стуки направился к вилле. Они не пошли через мостик и по лестнице, поэтому их путь оказался длиннее. Женщина передвигалась с трудом и шла очень медленно. По дороге инспектору пришлось выслушать долгий рассказ о ее невзгодах, о причинах, по которым ей все еще приходилось работать: чтобы помогать своим внукам – детям разведенной дочери. Вот так: не успели пожениться, а уже развелись, и никто не подумал о детях, какая от всего этого будет путаница у них в головах. И сейчас у родителей не хватает денег на детей, поэтому бабушкам и дедушкам приходится им помогать. А так хотелось бы потратить соб-

ственные деньги на круизы! Но нельзя: постоянно нужно то одно, то другое. Если бы старики жили поменьше, никаких разводов бы не было. Увеличение продолжительности жизни стало проблемой, это повредило институту брака, вот что произошло.

Синьора Аделе нащупала за столбом выключатель и включила свет у входа – тот самый, что мешал спать дону Амброзио. Женщина открыла ключом калитку, и они прошли к главному входу. Стуки услышал уже знакомый ему скрип двери, заметил бронзовую подставку для зонтов и кое-как намалеванную, зато старинную, начала XIX века, картину. Экономка уверенным жестом повернула выключатель, осветив большой зал, уже обследованный инспектором. Он притворился, что удивлен видом огромного пустого помещения.

– Господин Анчилотто избавился от мебели?

– Да, говорил, что хочет более современную.

– И когда это произошло?

– Что-то около трех месяцев назад. Сервант, стол и стулья забрали в июне... три человека на грузовике.

– Обычно у того, кто все распродает, есть какие-то финансовые проблемы.

– Денежные? Совсем нет!

Стуки недоверчиво покачал головой. Женщина стала показывать ему дом. Только в комнату покойника она не захотела войти, сказала, что тот ей постоянно снится. Во сне

граф старательно расчесывал волосы, как он это всегда делал перед сном, потом аккуратно развешивал на плечики свои вещи, все, кроме носков; хрустел пальцами, будто проверяя, как работают суставы. Дальше шел ритуал с шелковой пижамой: граф раскладывал ее на постели, как скафандр космонавта, и вслед за этим очень медленно, сантиметр за сантиметром, надевал на голое тело. Во сне мужчина проделывал это с такой тщательностью, какую наверняка проявил и шелковичный червь, чтобы создать для этой пижамы шелковую нить, которая в начале своего пути была свернута в кокон. Кокон – это своего рода урна для праха, но эта смерть с пробуждением. Граф считал, что убивать шелковичных червей – жестоко. И добавлял, что, с другой стороны, все изысканное в своей основе часто жестоко.

– Это он вам говорил?

– Да.

– Каждую ночь?

– Нет конечно! Только в те ночи, когда был слишком уставшим и звал меня, чтобы я приготовила ему травяной чай для улучшения сна.

– Травяной чай? – воскликнул инспектор, находя, что этот факт никак не вяжется с найденными в крови графа барбитуратами.

– Ну да, травяная смесь, которую специально для него готовили в местной фитоаптеке.

– Граф принимал какие-нибудь лекарства?

– Нет, по крайней мере, я не знала об этом. Только аспирин иногда. Здесь склад, – добавила женщина, – вы хотите его осмотреть?

Инспектор немного побродил по помещению, делая вид, что рассматривает разные предметы.

– У него была собака? – спросил Стуки, указывая на красный поводок.

– Светлый лабрадор по кличке Либеры, девочка.

– А куда она девалась?

– Граф отдал ее кому-то после того, как распродал мебель.

– Странно. Кому-то из знакомых?

– Даже не знаю. Собака жила с графом больше десяти лет.

– Можно осмотреть винный погреб?

– У меня нет всех ключей от дома, я отдала их полиции.

– Послушайте, – сказал Стуки, уходя с виллы, – та мысль о коконе как о смерти с пробуждением, это слова господина Анчилотто?

– Да, его, он умел очень поэтично выражаться.

– Простите, может быть, это не совсем деликатно. Это вы обнаружили тело графа?

Женщина вздрогнула. Ей припомнилось, что она сразу же пошла на кладбище, как только новость распространилась по городу.

– Нашел его городской дурачок Питуссо, – сказала она таким тоном, будто только сумасшедший мог увидеть Анчилотто лежащим среди могильных плит с бутылкой вина под

Я тру и скребу. Скребу и тру. Они трут моментальные лотереи, а я скребу ржавчину. Потому что удача ускользает, а ржавчина остается. Этот народ покрыт ржавчиной. Ржавый народ, он не достоин империи. Я пытаюсь отскрести ржавчину с креста на надгробной плите синьоры Луиджини Мазет, в замужестве Кальдеран. Этот крест стал покрываться ржавыми наростами ровно в 4 часа поутру, после одной из бессонных ночей. Не то чтобы в ту пору ты, синьора Мазет, спала как сурок. Ты ложилась спать без пятнадцати двенадцать и просыпалась еще до зари. Из окна твоей квартиры на верхнем этаже дома с таверной ты, скажем так, наблюдала за ближними и все замечала. Причиной твоего плохого сна были переживания по поводу того, что дела в твоей прачечной или не очень хорошо. Сначала тебя это даже развлекало: найти способ, как вывести, чтобы и следа не осталось, пятно жира от майонеза, оливкового масла, мороженого, особенно на мужских брюках. Или все-таки это было не мороженое? Но ты об этом никому не рассказывала, у каждого свои пятна, те, которые они заслужили. И никто не может запятнать себя за другого, потому что это сразу заметно, что человек это делает из-за гордости, чтобы казаться всем или привычным, или совсем другим. Это зависит от того, какие пятна сейчас в моде.

«Мир никогда не будет кристально чистым, —

любила ты повторять клиентам твоей прачечной, – слишком не увлекайтесь салфетками и другой ерундой. Немного грязи не помешает, это часть жизни. Рождаются тоже не идеально чистыми. Покойники иногда бывают чистые, но только потому, что их моют». В последнее время тебе стало нелегко держать прежний ритм. Несколько раз тебе даже случилось перепутать одежду порядочных людей и негодяев, холостяков и женатых. Как-то так получалось, что иногда чьей-то жене попадались чужие кружевные трусы или другие непотребства. Ты спровоцировала больше разводов, чем казино в Югославии. Тогда и началась твоя бессонница. С твоего балкона тебе было все хорошо видно, и ты начала кричать: «Сумасшедшие! Безумцы!» Безумец тот, кто возвращался поздно ночью, тот, кто провозжал до дома невесту. Без ума была твоя кузина, которая хотела пожертвовать свою почку неизлечимо больному. Сумасшедшей была твоя дочь, которая отправилась автостопом в Исландию через Индию.

И люди стали приходиться под твой балкон ради забавы, только чтобы услышать: «Сумасшедшие! Безумцы!» Эй, синьора Мазет, а что, если я куплю криптовалюту? – Сумасшедший! Синьора Мазет, я собираюсь отпраздновать свой день рождения. – Безумец! Но то, что тебя действительно прославило, – это твои суждения о браке.

Как по-вашему, синьора Мазет, могу я жениться на Мариэлле и на Луджине? – Безумец! А не выйти ли мне

замуж за Сильвано? – Сумасшедшая!

Один раз я показал тебе мою палку из черной акации, а ты – «Безумец!»

Тогда я сказал тебе, что сейчас как дам палкой, и ты промолчала, будто перед тобой и вправду был сумасшедший. Тебе, синьора Мазет, вся эта грязь навредила. Ужасная болезнь, та самая, что была у моего отца Луиджи, год рождения 1921, который во время войны босиком прошел всю Россию, вдоль и поперек. Совсем как солдаты Наполеона. Эта ржавчина от холода. Ржавчина уничтожает империю. Но я скребу.

21 пятница. Пятница

Незадолго до полудня в полицейское управление примчался сияющий агент Ландрулли. Он обошел три четверти нотариальных контор Тревизо, прежде чем обнаружил, что Анчилотто действительно обращался к нотариусу. Для своих целей граф выбрал почему-то самого молодого, делающего только первые шаги в профессии специалиста. От него Ландрулли узнал, что господин Анчилотто оставил завещание, которое вскроют завтра утром в присутствии заинтересованных лиц, приглашенных заблаговременно. Главной наследницей все считали единственную племянницу графа, дочь его сестры. Синьора Мария Беатриче Анчилотто сбежала из семьи и вышла замуж за Эрнесто Салватьерру, землевладельца из Боливии, страны банановых деревьев, каучука и бразильских орехов.

Инспектор взглянул на довольного агента Ландрулли.

– Отличная работа!

– Сказать, как зовут синьору?

– Давай.

– Селинда Салватьерра.

– Селинда, – повторил Стуки, – красивое имя.

– Она из Боливии, но живет в Чили, ухаживает там за виноградниками.

– И она уже здесь?

– Естественно.

– Антимамма! Как оперативно работают эти нотариусы!

– Правда? Я тоже это заметил.

– Что-то еще?

– Больше ничего. Что касается содержания завещания, нотариус особо не распространялся.

– Что мы знаем о результатах вскрытия Анчилотто?

– Я поговорил с теми, кто этим занимался. Они подготовят мне копию отчета во второй половине дня.

Инспектор Стуки вспомнил, что ему нужно было договориться о новой домработнице для дяди Сайруса, хотя тот и слышать не хотел о том, чтобы помощь по хозяйству исходила от женщины. Стуки попробовал очень ненавязчиво предложить дяде принять кого-нибудь с испытательным сроком в качестве приходящей на несколько часов в день прислуги. Только чтобы наводить порядок в ванной и гладить рубашки, которые были уже довольно мятыми для элегантного продавца ковров. Речь шла об очень порядочных женщинах, но дядя Сайрус не соглашался даже с ними познакомиться. «Какая брюнетка?» – дядя сделал вид, что не заметил последнюю из домработниц, которую прислал к нему Стуки. И ничего не помнил о тех, которые приходили до нее. И даже не реагировал на более коварные вопросы, например об их обуви, длине юбки или цвете ногтей. Нет, никто не приходил! Новая домработница, которую инспектору посоветовали знакомые, была из Польши – совсем молодая девушка,

белокурая и улыбочивая. Если уж у нее не получится войти в доверие к дяде Сайрусу, то больше никому не удастся вывести его из состояния облюбованного им одиночества. Старик упрямо цеплялся за свою независимость с упорством одинокого дерева в пустыне.

И господин Анчилотто тоже, судя по всему, был упрямым. Стуки решил позвонить некоторым коллегам из Бассано, чтобы больше узнать об этой Кикке, которая, казалось, поразила графа в самое сердце. Если Анчилотто не избегал показываться с ней на людях, значит, речь не шла о девушке по вызову, привыкшей оказывать кое-какие услуги определенного свойства богатым старикашкам, так ему сказали в Бассано. Высокий уровень, чистая работа за закрытыми дверями. Коллеги записали особые приметы девушки. У них были кое-какие мысли по этому поводу, но им нужно было пару часов, чтобы все проверить.

– Конечно, без проблем, – ответил Стуки.

– Речь ведь идет о работе?

– Естественно!

– И брюнетка очень темпераментная?

– Так говорят.

Часа через два инспектору сообщили кое-какую информацию и высказали несколько предположений. Франческа Дель Санто, как ему сказали, делает свое дело очень хорошо. Руками, так как ее работа – массаж лица в очень дорогом мужском салоне красоты в центре города.

Стуки легко нашел эту элитную парикмахерскую. Повсюду медь, бронза, старинные вращающиеся кресла, два первоклассных мастера мужских стрижек и запах дорогих духов. В глубине помещения – комфортабельная, светлая и полная цветов кабинка, где клиенты по предварительной записи могли расслабить мышцы лица в надежде уменьшить количество морщин. Девушку Стуки не застал. Как ему сообщил один из парикмахеров, тот, который покрасивее, у нее не было клиентов во второй половине дня. Если инспектор хочет поговорить с Франческой, возле кассы крупными цифрами написан ее номер телефона. Инспектор рассеянно кивнул головой: он с восхищением смотрел на белоснежные, мягкие, как пух, полотенца для лица. Выйдя из салона, Стуки позвонил Кикке и после некоторых попыток, вовремя упомянув фамилию графа, смог договориться с ней о встрече на тот же вечер.

В Франческе ощущался поистине огненный темперамент. Это было первое, что бросалось в глаза. Стуки попытался определить, не было ли в этом наигранности? А может быть, речь шла о его особом восприятии девушки, после того как он узнал о ее занятиях в свободное от работы в салоне время.

Встреча состоялась на центральной площади города, за одним из уличных столиков в элегантном баре с видом на церковь и музей мебели. Уверенные в себе, одетые в черное и белое официанты перемещались между столиками со сно-

ровкой эквилибристов, несмотря на шныряющих под ногами собачек.

– Полицейское управление Тревизо? – спросила женщина, поглаживая зажигалку.

– Так точно, – не торопясь ответил Стуки, украдкой ее рассматривая.

– Тревизо – это не так уж близко.

– Но и не так уж далеко.

Короткие, цвета воронова крыла, шелковистые волосы, темные, широко посаженные глаза и пристальный взгляд. Едва заметное подергивание правого века, что-то ускользающее, маленький намек на внутренний конфликт. Очень легкий макияж, естественная красота. Стуки залюбовался ее загорелыми мускулистыми руками. Чуть различимая светлая линия – шрам на правом плече. Инспектор поймал себя на том, что размышляет о регенеративной силе некоторых организмов. Словно у них внутри находится целая армия реставраторов, способных превращать раны в деликатные, как стежки вышивки, неочевидные знаки перенесенной и забытой боли. Стуки пришло в голову, что, если бы не снотворное, не смерть, он мог бы запросто представить себе господина Анчилогто прогуливающимся по кладбищу с этой женщиной. Оба в шелковых пижамах пьют шаманское на брудершафт. Но, странное дело: это совсем не оскверняет место, а наоборот, компенсирует смерть силой жизни. Конечно, черные перчатки, которые нашли рядом с трупом, никак

не подходили к рукам Франчески.

– Вас действительно интересует информация о графе? Я думала, что это всего лишь предлог для... другого, – голос Франчески вырвал инспектора из мира его фантазий.

– Прошу прощения, если я недостаточно ясно выразился.

– Нет-нет, все в порядке. О графе... почему?

– Есть еще некоторые нерешенные вопросы, связанные с наследством, – солгал Стуки.

Но девушка не поверила.

– Инспектор, вы были знакомы с графом?

– Нет.

– Он и вас заинтересовал? Понимаю. Такой человек, как граф...

– А каким он был человеком?

– Свободным.

– Это немало. Щедрым?

– Свободным и умным.

– А это уже серьезно.

– А еще он не умел лгать самому себе.

Стуки заметил, что голос девушки слегка задрожал.

– Значит, болезнь? Что-то неизлечимое?

– Можно и так сказать.

– Антимама! Не будьте так таинственны!

– Даже так? Послушайте, инспектор, это вопрос деликатный.

«Вот оно!» – подумал Стуки, который начинал кое-что по-

нимать.

– Другими словами, граф больше не чувствовал себя бойцовым петухом?

– Я расскажу обо всем без стеснения, но буду использовать язык, достойный памяти графа Анчилотто, – сказала Франческа. Вспыхнул огонек зажигалки. – В первый раз граф позвал меня семь месяцев назад. Он иногда звал и других, но мы с ним еще и дружили. В тот вечер граф пригласил меня на ужин, а потом к себе домой. Я помню, что было еще холодно. Мы посидели в одном из ресторанов Тревизо и поужинали очень хорошо. Он вообще никогда не скупился. Граф немного поспорил из-за вина, сказал, что информация на этикетках не всегда правдива. Официант смутился, но граф его успокоил. Сказал, что ведь это не его вина, что весь мир надевает маски и что вокруг нас одна видимость. Потом мы вернулись на виллу графа. Он попросил меня не шуметь, потому что патер еще не совсем оправился от гриппа – пусть отдохнет. Но у меня не было необходимости сдерживать себя, потому что в ту ночь ничего не получилось. «Это все то проклятое вино», – сказал мне граф со смехом. Но смех его был горьким, я это сразу поняла. Он меня потом звал к себе три ночи подряд. «Понимаешь, – сказал мне граф, – такое нужно решать сразу, нельзя оставлять на потом или не обращать внимания, как на головную боль, которая скоро пройдет». Три ночи и один и тот же результат. В последнюю ночь он стал серьезным, сел в кресло, в одно из

тех кожаных красивых кресел у камина, и стал думать, как это только он делал: с высоко поднятым подбородком, глаза закрыты, будто подводил какие-то итоги. Создавалось впечатление, что он просматривал какие-то загадочные списки, невидимые инструкции. Казалось, он знал, где найти руководство о том, как решить любую жизненную проблему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.